

Николай Никитин

Шпион

**Москва
«Книга по Требованию»**

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

полка... Псков... Балахович... Помнишь, какой ты был шустрый, когда колыванцы схватили тебя на велосипеде. Ты был тогда — «красный». За шинелью казенный пакет — «Товарищи-пролетарии, немедленно обмундируйте сапоги...» Ну, что-ж, ты быстро пере красился, тебя обмундировали в английскую униформу и ты стал благоденствовать... Опять «господин-офицер», начальник связи 3-го Колыванского...

Да здравствует свобода, родина, революция... Нр...

— Слушайте, Михайловский. Сегодня у капитана Минуты вечером эти тридцать тысяч марок... Хорошо... Вооружение... Сволочи эти паны, дадут-ли...

— Все в порядке, полковник. Гранаты, револьверы. Я знаю.

— Вы все знаете... едва-ли... Когда вас обстреляли в прошлый раз... с чем вы вернулись? С простреленным плечом. Милый мой, деньги есть деньги. Хозяин кормит собаку только до тех пор, пока ей не обломают ноги... А там... крышка.

Что ты смотришь на меня собачьими глазами? Хочешь возразить... Ну что? Стал тише. Ты молчишь. Дисциплина, голубчик. Смотри веселей... Я ему улыбнусь. Ну, вот так, улыбайся и ты. Это лучше, чем скулить.

— Вы уж лучше слушайте, Михайловский... Сегодня здесь мы видимся в последний раз. Деньги вы получите сегодня специальным пакетом. Вы... с Мошинным, Освальдом Тома и Якимовым переходите у Стародуба. В погребке они вас будут ждать, у пана Пошиманского. В деревне Рли первая связь... Николаев Филипп... особенно не верьте. Николаев — это вторая очередь... Зовут его Филиппкой, может служить в чеке. Спросите сперва Серого... Ищите Серого. Иван Дротин... Кличка — Серый... Дезертир, живет в лесу... конокрад... Ищите осторожно... Отсюда пойдет местная бербовка. Дезертиров на матушке Руси — полная мошна. Главное, опасайтесь столкновений. Я отправлюсь со второй партией. Подаю знаки. Без меня не делайте никаких больших актов... Конеч-

но, если возможен поджог, займитесь... Спрашивайте обо мне на хуторе... За Касьяновым... Хутор беженца Стефана Тома, если потеряете Освальда... Или в деревне Рли. Вернее на хуторе.

— Я хотел спросить, сколько будет у нас...

Что за нерешительный тон. Ты боишься за наши силы? Надо предложить тебе папиросу... Однако, однако. Дисциплина, милый мой. Впрочем... нечего путаться. Ах, хоть бы на сегодня ты переменял воротничок...

Что он удивился?.. Да, да, ты смущаешься, что-ли поручик? Ничего. Все обойдется... Смелее... Хорошо, что он умеет молчать. Скоро не будет ни блестящей Варшавы, ни лакированных кафе, ни нежных душных, как трава — пани... Польское местечко Стародуб, переполненное тмином и старыми еврейками... А потом? Что потом? Потом Россия развернется перед тобой... Болота, вереск, ольха, кособокие деревни. Лирика, бандиты, матерщина...

— У вас есть родные?

Мы идем медленно. У меня кавалерийский косолапый шаг и поручик Михайловский, старается попасть со мной в ногу. Он сбивается. Это мешает ему. Или — он отяжелел от мыслей... Он робеет. Он ничего не замечает. Сигарета обжигает ему пальцы.

Приятный дым, чудесный день, играют стриженные липы... Кричат кучера фазтонов, лошади хлопают ушами и бич торчит весело и прямо.

— Что вы молчите, Михайловский?.. Что с вами?

— Отец... — улыбается поручик и чешет за ухом, каскетка у него сдвигается на бок: — отец, думаю, жив-ли... Грыжей страдал. Еще брат Николашка. Теперь уже большой... Позвольте, когда мы были в девятнадцатом под Псковом, ему было тогда четырнадцать, что-ли, или пятнадцать... Да. Сейчас парню двадцать, девятнадцать. Полковник, простите, а вы... У вас кто-нибудь есть там?..

— Там? Нет милый мой, ни там, ни здесь. Я счастлив, я один.

Ну что-ты... Тоже улыбаешься. Ведь ты же ни черта не понимаешь в этом... в этой собачьей жизни. Дурак.

— Ну, а Николашка? Что он делает?

— Не знаю... Крестьянствует... Что-ж ему делать?

А ты не мечтаешь? Впрочем о чем тебе мечтать, носи свой потертый воротничок. Нет, ты мечтаешь. Ишь, завертелись в глазах складки... Пахота, деревня, земля, хлам... Вот я тебя. Прыгали за блестящими офицерскими шнурками. Ничего, ничего, из тебя вытрясут мечты, как пух.

Ты — углублен в себя. Стальной, походный портсигар. Склонив голову на бок, как птица, он снова закуривает.

У тебя большие, тяжелые, крестьянские пальцы, с широкими, лопатообразными ногтями. Рассказывай же, я поощряю тебя.

— Мы Якимовы... — он улыбается, глаза у него полуприкрыты, можно подумать, что он поет песню: — У нас почти пол деревни Якимовых было. И матери, деды, и дядья. Якимовы — все. И Ванюшка Якимов тоже ведь свояк, седьмая вода на киселе. А мне — как на военную службу надо было итти — волостной писарь переписал... Что вы, говорит, черти, как псов вас зовут... У пса только и имя, что Жучка. Так и вы Якимовы. Никакого воображения. Взял да и расписал многих по отцам. Вот и вышел я Михайловский. Отец-то Михайла. Смешной человек был. Несгораемым шкафом убило.

— Как это? Отец?

— Нет, писарь... Да очень просто. Мужики грабили усадьбу, Андреев был помещик, из купцов. Да вздумали миром несгораемый шкаф взломать, подняли на ломах, шкаф-то и упали. Григорий Семеныч долой с копыт, в висок... Брякнулся... Как коробка, хрустнула голова...

— Многоуважаемый шкаф.

— Чего-с?..

— Многоуважаемый шкаф.

Да, да... господин поручик.

— Вы Чехова знаете?..

— Нет, не могу знать.

— Не можете знать? Жалко. Смешной писатель, Писатели... куплеты... Хотя бы ногти почистил! Траур... Ах, тому-ль тебя учил господин Крапоткин... Что за бредни... Блудит голова. Надо оправиться.

— Итак... Михайловский... Запомните еще раз. У капитана Минуты... Знаете все? Дальше. Стародуб... Да по нему не болтайте. Сидите крепче в кафе Пошиманского. Последняя явка. Заберете дополнительно гранаты. Удостоверения написаны на полотно? Так... Зашейте их в шинели. Аккуратно. Дальше... Ждите меня в районе Рли. Соблюдайте порядок, осторожность, информируйтесь. Со мной переходит вторая группа. Вы кажется интересовались. Ну, хорошо. Мой отряд соберется из тридцати человек... Полковника Гартвельде тоже... Но это уже на другом участке... По границе за эту весну войдет две тысячи человек... Гранаты, вооружение, люди. В районе Рли мы найдем наверное остатки отряда поручика Крауса. Вы довольны?

В этом году очень красивы каштаны, хорошая, удачная весна.

— Господи...

У него заблестели глаза... он раскис.

— Господи... да ведь мы... Ведь тут... ведь... Ах... Ведь это чорт знает что... Ведь сперва одна губерния, потом другая, потом... Ведь это, господин полковник, кулак...

— Осторожнее, на нас обращают внимание.

— ...Ведь им крышка.

— Едва-ли... Едва-ли...

Скучно. Приятно — поручик остолбенел. Он идет рядом, как дурак, облитый ледяной водой. Надо его успокоить. Люди любят ласку и внимательность.

— Вы понимаете, Михайловский... Я шучу, хбнечено. Операция длительная и нечего кричать с бухты-бархты... Словом, Каралет, не волнуйся.

— Так точно, господин полковник.

— Ну вот, возьмем экипаж... На Холодную.

Бич щелкнул упрямо... Лошадь распустила живот. Варшава, Варшава, чудный край... Весело несется коляска. Мы молчим.

Поручик попрежнему устремлен вдаль и даже не замечает моих взглядов.

Огромны, нелепы эти комоды, здесь у пассажей еврейского рынка — мы расстанемся. Михайловский прыгает с пролетки. Я сойду вместе и обниму его.

— Дорогой мой, счастливого пути... Значит, вы идете завтра. Никаких перемен. Еще раз слушайте — ваше основное дело — организовать и найти связи. Через неделю... через полторы — ждите нас. Словом, к концу недели старайтесь не отлучаться из Рли. Ну, не волнуйтесь, я приведу хорошую кампанию... Ну, поцелуемся... Итак, на хуторе у Тома.

Он опять молчит.

— Значит... до встречи в России.

Он спокоен.

— Не впервой, Иван Васильевич... Встретимся.

Он равнодушно зеваает и смотрит с улыбкой на уса- того кучера.

— «Скотина» — мне остается наспех пожать тебе руку и сесть в экипаж.

Экипаж плавно трогается. Михайловский молчит. Кругом него кучками горланят евреи с чепухой на руках. Кричит и суетится Брама. Бегут бабы с плетеными корзинами.

В обвисшем, мятом костюме — он стоит неподвижно — у него прилипли подошвы к этим широким, плоским бульжникам. Смеется старая еврейка в парике.

Не обижен-ли он тем, что у меня веселое, беззаботное лицо? Надо махнуть рукой. Нет. Он не отвечает даже улыбкой. Кругом экипажа горланит толпа. Кто-то взвизгнул. Засвистел полицейский. Метнулся в сторону человеческий поток. Поручика — нет, он потонул в людях.

Мягко качаются кожаные подушки экипажа. Кажется, я краснею. Стыдно. Поручик мог заметить мои играющие слова и этот жест... ручкой... Кучер медленно едет. Надо его подтолкнуть.

Экипаж плывет в зеркалах кофеен. Цокает усатый кучер. Греет солнце. Скоро кончится все это... Я сниму свою мягкую фетровую шляпу. В зеркале на углу опять мое лицо — слегка припудренное... Я не буду бриться каждый день.

Кипят мысли, шумят, торгуются, как евреи на рынке.

Снесли мерзавцы собор. А Брамму оставили... Заигрывают с евреями. Гребешки, платья, веера, воздух по пять марок кило, по пять, по три марки... Марка. Быть может, к девочкам?.. Нет, не стоит. К капитану Минуте. Да, к капитану Минуте... Тридцать тысяч пока... Сколько же дать Михайловскому?

Откуда моя досада? Надо переменить кучеру адрес.

— На Электоральную...

Хлопает бич. Если-бы помчаться быстрее, чтобы ветер занял в ушах. В России, мохнатые сильные лошаденки и длинная провинциальная дорога. Хотя, и там уже сошел снег.

На троттуарах по весеннему спуют люди. Нарядные дамы плывут в духах. Орут газетчики: — Новый заговор коммунистов... Англия предполагает... Новый заговор...

С удил лошади капает пена.

Медленно движется серый, узкий аэроплан с польским, военным знаком. Если бы ты меня взял... В небе меня не поймали бы.

Скоро придется сказать: — прощай, Варшава... Много лакеев. Много кофеен...

2.

Здесь?.. Дожидают ли они меня?

Над головой висит золотой крендель. Золото промыли дожди, на завитушках скользит самое настоящее

дерево. Устал. В последние дни совсем измотала Варшава... Капитан Минута готов срывать проценты и с контрабандиста и со шпиона. Просто, жмот. Ругался из за копеек, как на базаре.

Лампочка освещает крендель... Что-же я медлю? В погребке кто-то затянул романс.

Не хочется уходить из тихого, темного города, пропахшего тмином, деревом, нуждой. Два еврея везут в шарабане бочку с селедками. Их деды жили в Стародубе, их дети... Впрочем, кто знает, может быть их дети живут сейчас в Москве. Пишут, что оживилась Тверская и в ресторанчиках поют цыгане. А он, полковник Маклецов скитается по захолустьям.

Стародуб... И рядом граница. А там — еще тысячу верст — и трамваи, цыгане, автобусы, концерты, странный мир большевиков.

Смешно. Хорошо-бы сидеть на крылечке и только глядеть в это темное небо, знать — что жизнь устроена, быть довольным — и не тащиться в эту темную, ночную пропасть.

Звякнула дверь. Согнутая крючком фигура...

— Что за лайдак здесь слушает? Боже мой, я не узнал пана полковника. Извините, пан полковник. В такую мглу можно потерять самого себя... Пожалуйте, пан полковник, вас уже ждут и славно веселятся.

— Это ты Бронислав...

— Это я, пан полковник. Осторожнее, не зацепитесь о ступеньку.

Он распахивает дверь и кричит в погребок.

— А вот... и пан полковник.

В маленькой комнате чад. За столом — Петров, Свицерский, тонкий и изящный Крон... Петров, конечно пьян... Свицерский со своей гитарой.

— А, пан-полковник...

Они хохочут и лезут целоваться. На столе колыхается огонь свечей. Вспыхивает рыжая голова девушки. Она сидит в углу. У нее жадные и пестрые, как перстень, глаза. Она молчит. Перед нею тарелки с объедками, узкий бокал, скатерть — залитая

красным вином. Около стоит высокий и плотный брюнет — руки в карманах. Мохнатая, английская куртка. Кажется — что там он нащупывает револьверы. Он улыбается? Да это мне... Он толкает лакея.. Это, очевидно, о нем говорил капитан Минута.

— Не путайтесь, пан Пошеманский, перед моими глазами. Вы и есть тот самый начальник, которого мы ждем? Да не заслоняйте от меня полковника, пан Пошиманский... Здравствуйте, что вы мне скажете, полковник?

— Стародуб — прекрасное начало.

— Прекрасное начало дальше. — Однако брюнет весело улыбается: — ну вот теперь мы знакомы... Я люблю официальность, господин полковник. А вообще я — Цвибак Арон.

Не напоминает ли это испанскую мелодраму. Испанец Цвибак и испанец Маклецов.

— Да, я знаю... вы поведете нас.

— Капитан Минута вам сказал?

— Да... сказал. Водки? Спасибо, Свицерский.

Теперь папиросу... Сколько ей? Лет восемнадцать. Что за рыжая девка?

— Как вас зовут?

Молчит... Облизывает рот... Глаза у нее вставлены. Или это нарочно придумано? Все сделано красками.

— Ну, как же вас зовут?

— Венера.

— Венера?

Она, спокойно подбирая широкий рукав шелкового халата, потянулась за папиросами.

— Вы удивлены? Я сама так называла себя. Вам кажется это безвкусным? Я после сладкого всегда курю. Я удивлен. Это какая-то бессмыслица. Я ничему не удивляюсь.

Но ты уже отвернулась к Петрову. Я тебе не интересен. Вот как...

Откуда-же она? Может быть ее выбросили из Варшавы, как последнюю, большую дрянь. Дым, это

смешное и дикое имя — так для нее понятнее этот опухший пьяница?

Нужно почувствовать себя хоть немного пьяным.

— Эй, еще графин чистой, пан Бронислав... Выпьем за вашу страну — лакеев и женщин. Я сегодня имениник. Поручик Петров... Венера, за вашу страну!

— Польша — не моя страна.

— А где-же ваша страна?

— Нет... потеряла... Но вы пейте, пейте все равно.

Она обняла Петрова.

Я стою над ними с бокалом. Она может подумать, что я хочу ей понравиться. Да разве можно стараться для этой девки?..

— Пейте, веселитесь... Женщина — это последнее счастье.

Чего я злюсь? Зачем я швырнул в угол бутылку?

— Закрывай ставни. Мы переходим в кабинет... Что? Водку? Да, и водку.

— Чисту приказывает пан? А то старку, ангельску, перлувку.

— Катай все. И перлувку, и ангельску, и чисту, поджарь миндаль. И фисташки. И Шато икем дамам. Лед.

Какая у Цвибака наглая, красивая морда. Спекулянт... Масштаб — Берлин—Варшава. Контрабанда. Обвесил себя «диамантами» по волосатому животу и спине... На груди, под мышками нитки, похожие на морские жемчуга... Искусство Парижа. Все ложь и дрянь...

— Господин Цвибак!..

Но Цвибак не слышит. Он притворяется, или действительно заснул на этом сальном диване? Впрочем, ему не впервой шагать через границу... Как отъелся... Тебя хорошо кормят советские проститутки... ты им несешь диаманты, на себе, в карманах... кокаин, в желтом, как несессер, чемоданчике... Я стучу ножом по столу.

Это нехорошо. Я распускаюсь.

— Господин Арон Цвибак!.. Хорошая кожа. Английская? Очень хорошая. Вы уверены, мы благополучно перейдем?

Он зевает. Или это новое притворство?

— Я знаю, полковник, превосходный путь, просто облизать пальчики.

Он хлопает меня по плечу.

Что за хамство! Я не приглашал тебя к фамильярности. Мы нужны ему также, как и он нам. Почетная охрана...

— Что-ж... я рад...

Цвибак пьет водку и равнодушно разыскивает в салате огурец.

— О, полковник, я уверен за себя, как за ходячую крепость. Мы развесим их кишки в случае чего. Я сам бывший военный человек, мой кольт имел хорошие дела. Какие ноги!.. Обратите внимание, эти ноги имеет эта женщина. Это не ноги, это австралийский банан. Я знаю коммерческое дело с бананом. Превосходный товар. Еврей — это энциклопедист, не смейтесь, господин Маклецов, кой какое образование мы получили тоже.

— Энциклопедическое.

— Нет, это сама жизнь. Хотя моя профессия приказывает мне молиться богу и я верую в это, как тысяча евреев... Но... я бывший унтер-офицер. Я тоже имею фантазию.

— Значит, бог есть... Все-таки есть...

Примитивная философия и спор... Чего я пустился в спор? Какая спина... Шелк рубашки окружает ее. Вот она повернулась. Ее спина, как легкий взмах шашкой. Взволновались складки.

— Поручик Петров, позвольте мне поцеловать вашу даму.

Действительно, контрабандист прав, ея кожа пахнет бананом. Только не бери меня за уши. К чорту, сволоочь.

Ее лицо почти призрачно. На красных, маленьких губах рана. Тошно. Подкатывает опять соленая слю